

УДК 008

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ВОЙНЫ

В. И. Марков

CULTURAL STUDIES OF WAR

V. I. Markov

В статье рассматривается проблема возможности и необходимости формирования нового интегративного направления исследований – культурологии войны, синтезирующего данные различных эмпирических источников и наук в категориях культурологической науки.

The article is devoted to the possibility and necessity of forming of the new integrative research orientation – cultural studies of war, which can unite information from different sources and sciences within the categories of cultural studies.

Ключевые слова: социальные науки, культурология, антропология, война, культурные системы.

Keywords: social sciences, cultural studies, anthropology, war, cultural systems.

Основная задача данной статьи – обосновать актуальность, теоретическую и практическую необходимость развития оригинального направления теоретических и прикладных исследований – культурологии войны.

Автор прекрасно понимает, что сам термин звучит достаточно непривычно, особенно для сознания рафинированных интеллигентов, для которых слова «культура» и «война» чуть ли не взаимоисключающие противоположности. На это можно возразить, что в культурологии деление на культуру и некультуру стало уже давно анахронизмом. А война, хотим мы этого или нет, до наших дней является одним из основных атрибутов человеческого существования и весьма значимым проявлением человеческой активности. К тому же данный термин вполне согласуется с уже общепринятыми типа «социология труда», «социология семьи» и т. д. Другой, в принципе допустимый вариант – «военная культурология», звучал бы, на наш взгляд не совсем точно. Он, скорее, допускал бы толкования, связанные с использованием культурологического знания в интересах военной науки и военной практики, в подчинении им. Мы же имеем в виду совсем другое – исследование всех аспектов военной практики человечества в категориальных рамках именно культурологической науки.

Но тогда, прежде чем перейти к подробной аргументации основной проблемы, необходимо остановиться на кратком изложении понимания самой культурологии, ибо, как известно, таких толкований бесчисленное множество. Достаточно развернутая авторская концепция на этот счет изложена в ряде выступлений на различных конференциях. С ней можно ознакомиться также по статье, опубликованной недавно в «Вестнике Челябинской государственной академии культуры и искусств» [1]. Поэтому вкратце отметим лишь, что ее возникновение порождено практически выявленным разнообразием культурных систем, их резко отличной реакцией на схожие исторические условия. Существовавшие же тогда науки или рассуждали о некоей культуре «вообще», или же описывали детали культурной жизни разных народов и эпох. Нужны же были исследования, дававшие целостные картины каждого куль-

турного мира в таких категориях, как национальный характер, стиль или способ деятельности, национальная миссия, идея, мировосприятие и т. д. То есть в категориях, являющихся, на наш взгляд, предельными по уровню абстрагирования для культурологии. С этих позиций структуру наук о культуре можно описать на трех уровнях, соответствующих в целом соотношению общего, особенного и единичного. Высший, и наиболее абстрактный, – философия культуры, средний по уровню абстрагирования – культурология, и уровень единичного – культурография как совокупность целого ряда научных дисциплин. Таким образом, культурология, с этой точки зрения, есть результат пересечения двух тенденций, двух идей – идеи множественности культур и идеи их целостности.

Попробуем с данных позиций рассмотреть постановку задачи о возможности и необходимости формирования такого направления, как культурология войны на методологическом базисе и в рамках категориальной структуры культурологического знания.

Прежде всего следует отметить, что это не освоенная культурологами предметная сфера. Ее нет в учебниках, не найти и изобилия публикаций на данную тему в Интернете. Хотя интегративная сущность культурологической науки позволяет и предполагает использование материала смежных исследований в интересах развития самой культурологии. И при таком подходе мы увидим, что материала достаточно много, хотя он и не осмыслен в культурологическом ракурсе.

Еще историки древности, такие как Геродот, Полибий, Тацит и другие, любили рассуждать на тему, впоследствии развитую Ш. Монтескье – о духе народов. В данном контексте – о воинственном или же, наоборот, не воинственном духе различных народностей и племен. В современных категориях речь при этом, очевидно, идет о национальном характере и национальном темпераменте. В исторических документах и летописных источниках подобные вкрапления тоже не редкость. Они отражают, справедливо или нет, другой вопрос – сложившиеся на основе практики стереотипы восприятия других

народов именно с точки зрения их боевых способностей в качестве вероятных противников или союзников. Как ни говори, но речь в данном случае, несомненно, идет об одной из целостных характеристик определенных культурных систем и, следовательно, о культурологическом характере подобных рассуждений.

Большой массив информации по данным вопросам несут в себе фольклорные источники – различные виды эпоса, песни, сказки, пословицы, в которых культуролога, естественно, интересует не фактография событий, а совокупность ценностных ориентаций, мотивация сражающихся, стереотипы боевой практики, принятые нормы военных действий. Например, присвоение одному из героев исландских саг прозвища «милосердный» за нетипичное, видимо, решение: при внезапном и коварном нападении на владения соседнего конунга он не стал убивать все мужское население, а оставил в живых мальчиков, которые были ниже ростом, чем поставленный вертикально его меч. Варианты подобного «милосердия» можно встретить и на другом конце земного шара – в феодальной Японии. Интересным для сравнительно-культурологического анализа представляется также выявление отличий и корреляций в поведении и ценностно-мотивационном фундаменте поведения богатырей Киевского эпического цикла и, допустим, «песни о Роланде», повествования о деяниях Сиды-воителя.

Описание географического характера, материалы путешественников (Марко Поло и других) тоже небезынтересны с данной точки зрения. Собственно говоря, география и военно-разведывательная деятельность долгое время шли рука об руку, и экспедиции того же Н. М. Пржевальского носили одновременно и научно-познавательный, и военно-практический характер. Можно отметить, что авторы подобного типа, особенно древние, по сути, частично уже проделывали работу культуролога: они выделяли в деятельности неведомых ранее народов и племен именно отличные, непривычные черты, то есть проводили фактически на своем уровне нечто вроде сравнительного анализа.

К XIX – XX векам можно уже говорить о возможности опоры в предлагаемом направлении исследований на солидный научный фундамент таких наук, как история, этнография (позднее – этнология), психология (социальная психология), антропология в ее различных вариантах. Военная наука также касается подобной проблематики, описывая, например, так называемые морально-политические характеристики определенных армий, хотя не акцентирует подобные проблемы. Скорее, они прорисовываются в необозримом массиве военных мемуаров, которые еще нуждаются в подробном анализе с данной точки зрения. Интересно отметить, что военная психология, например, является к настоящему моменту самостоятельной образовательной дисциплиной, и специалисты этого профиля выпускаются рядом вузов. В том числе таким известным, как Российский государственный гуманитарный университет, где работает специализирован-

ная магистерская программа «военная психология» с присвоением квалификации (степени) магистр психологии. При этом предполагается, что они будут заниматься в основном психологической помощью, вопросами адаптации военнослужащих, обучения, профориентации, реабилитации и разрешением конфликтов. В целом такой подход, конечно, не отражает всех возможностей психологической науки в рассмотрении вопросов, связанных с проблематикой культурологии войны. Имеется обширная литература, как отечественная, так и зарубежная, посвященная, например, детальной теоретической и практической разработке вопросов ведения психологической войны с учетом особенностей различных воинских контингентов и населения разных стран. Опыт в этой области накоплен огромный – ведь еще пророк Мохаммед использовал предварительную обработку населения намеченных к покорению стран в целях облегчения завоеваний. На широкую ногу такая деятельность была поставлена Наполеоном, причем на научной для того времени основе. Правда, в подобных случаях речь идет скорее, именно о военной культурологии, а не о культурологии войны. Поскольку научная проблематика в этом ракурсе явно подчинена чисто военным задачам. Хотя разделение на этот счет не всегда можно провести достаточно четко. Стоит вспомнить, например, о том, что знаменитая работа Р. Бенедикт «Хризантема и меч» была создана отнюдь не только из чисто научных побуждений. И в этом смысле она представляет собой образец подлинно глубокого научного труда, созданного изначально в военных целях – для понимания реального противника [2].

Если рассматривать общий массив публикаций, посвященных специалистами различных областей социально-гуманитарного знания данной проблематике, то может выделить наиболее значимые и часто обсуждаемые темы. К ним относятся социально-философские постановки вопроса об образе жизни военных, военной культуре, гносеологических и ценностных аспектах воинской деятельности [3, 4, 5, 6, 7]. Исследования представлены также работами в смежных философских областях – в этике, эстетике и т. д. [8, 9]. Очень обширен массив сочинений военно-исторического характера с культурологическим содержанием [10, 10, 12, 13, 14].

Пожалуй, наибольшее внимание подобным проблемам можно констатировать в области психологических и социально-психологических разработок [15, 16, 17, 18, 19, 20, 21].

Особо следует отметить осознанные попытки создания аналогичных дисциплинарных разделов в смежных с культурологией науках. К ним относятся, например, [22, 23, 24].

Все больше появляется и собственно культурологические работ по данной тематике [25, 26, 27, 28]. Ну, и естественно, что максимальный вклад в разработку этих вопросов, причем в аспектах, наиболее близких к культурологическим, вносит антропологическая наука в ее различных вариантах. Можно упомянуть в связи с этим о регулярно выходящем сборнике «Военно-историческая антрополо-

гия» [29, 30, 31] и, прежде всего, о солидных монографических разработках и докторской диссертации В. И. Бажукова [32]. Последняя работа представляет собой не только качественное исследование в данной области, но и, в силу ряда своих особенностей, дает возможность уточнить границы антропологического и культурологического подходов. Сам автор в своих работах неоднократно рассматривает основной предмет своих исследований – военную культуру – как культурологическое понятие. При этом, однако, подчеркивает, что создает именно военную антропологию, которая в принципе объединяет в себе потенции философии культурологии, социологии, психологии, истории и т. д. С другой стороны, иногда автором формулируется идея об антропологическом подходе в культурологии, иногда – об интеграции культурологического и антропологического видения, а потом снова – о приоритете антропологической парадигмы. Не ставя задачу подробного анализа этих коллизий, постараемся использовать это высокопрофессиональное, на наш взгляд, исследование для определения соотношения ракурсов видения данной проблематики с антропологической и культурологической точек зрения. Представляется, что в данной работе превалирует все-таки именно антропология. Это видно в постановках вопроса о соотношении всех аспектов с человеком, в единстве сознательного и бессознательного его компонентов, макро- и микроуровней, о необходимости понять военную культуру изнутри, с точки зрения ее носителей, что речь идет о способах жизнедеятельности и поведении человека в военной сфере, о человеческом измерении изучаемых явлений. При этом сама военная культура понимается как система ценностно-нормативных, духовно-идеологических и знаково-символических элементов, обеспечивающая мотивацию и регуляцию военной деятельности различных субъектов. Таким образом, схематично основное направление исследований в данном случае можно обозначить как «человек на войне». Поэтому необходимо остановиться на различиях этого подхода с культурологическим видением проблематики, причем не ради формального разграничения наук, а ради возможно более полного выявления всех аспектов и их охвата с различных точек зрения.

Интегрирующая роль культурологии по отношению ко всему вышеизложенному многообразному по ракурсам видения и методологическим установкам компендиуму теоретических и эмпирических разработок может, очевидно, реализовываться при следующих условиях:

– культурологический ракурс опирается на аксиому многообразия культур и предполагает сравнительный анализ конкретно-исторических культурных миров. В этом грань с культурфилософским видением проблематики, исходным для которого является культура «вообще» как таковая. Что отнюдь не мешает толковать ее иногда более конкретно – как общечеловеческую и зачастую подменять последнюю культурой Запада как неким «образцом»;

– культурология предполагает целостное рассмотрение культурных систем и в этом смысле вбирает в себя достижения более частных наук: от этнографии и истории – до искусствоведения и социальной психологии. Реализуя такой подход, культурологическое исследование, в идеале, выходит (или, по крайней мере, ориентирует на это) на обобщающие параметры культур, выражаемые такими, например, характеристиками, как национальная идея, миссия, национальный (культурный) характер и темперамент, способ деятельности и т. д. Анализ отдельных элементов культуры при этом предполагает рассмотрение с точки зрения их «вписанности» в целое и во взаимосвязи с ним;

– культурология несет в себе два потенциальных угла видения культуры – с точки зрения личности и с точки зрения системы. Их достаточно противоречивое сочетание можно встретить даже у самого основоположника этой науки – Л. Уайта. Первый из них и составляет преимущественный предмет антропологического подхода. И культурологические исследования не исключают его, а вбирают в себя, пытаясь найти консенсус этих ракурсов. Поэтому, если для антрополога важнее всего проблема «человек на войне», то для культуролога также и «народ на войне», культурная система как некий совокупный субъект войны. Отличие в том, что при этом народ и его культура берутся не только в актуальном, синхронном срезе, но и в исторической динамике, с точки зрения развития военной традиции и ее предполагаемого преломления в современных военных практиках.

Таким образом, возможность некоего синтеза социальных и гуманитарных наук на базе культурологии может быть аргументирована с достаточной полнотой. И такой синтез явился бы, несомненно, далеко не лишним дополнением в общем фронте культурологических изысканий. Но есть ли в этом необходимость?

Теоретически она связана с возрастающей ролью культурных факторов в современных военных конфликтах. Можно не доверять предсказаниям С. Хантингтона, но факт есть факт: с уходом идеологического противостояния в старых формах на его место пришли культурно-религиозные различия и основания вражды. Можно даже говорить о возрастающем конфликтогенном потенциале культуры (если рассматривать ее с системной точки зрения, а не как набор неких достижений человечества) [33].

Что касается практической стороны, то потенциально заинтересованность в подобных исследованиях существовала всегда. Недаром и сама основополагающая для культурологии идея множественности культур возникла в рамках так называемой «колониальной антропологии» в результате наглядного опыта – далеко не тождественного поведения различных народов и их армий в одинаковых вроде бы условиях боевых столкновений.

Для современной России представляется важнейшим изучение того, какой должна быть армия, способная защищать страну в условиях такой степени имущественного, социального и культурного

расслоения. К сожалению, военная реформа, как представляется, происходит без учета этих принципиальных факторов.

Литература

1. Марков, В. И. Культурология: истоки, границы, задачи / В. И. Марков // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28).
2. Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М.: Наука, 2007. – 360 с.
3. Богатырев, Е. Д. Образ жизни военнослужащих Вооруженных Сил: сущность, противоречия, проблемы. – М.: ГАВС, 1992. – 188 с.
4. Климов, С. Н. Военная культура Франции XX века. (Социально-философский анализ) / С. Н. Климов: дис. ...докт. филос. наук. – М.: ВУ, 2002. – 484 с.
5. Культура военного мышления / под ред. Ф. Ф. Гайворонского, М. И. Галкина. – М.: Воениздат, 1991. – 287 с.
6. Протасов, А. А. Ценностные ориентации в профессиональной культуре офицера: соц. филос. анализ / А. А. Протасов: дис. ...канд. филос. наук. – М.: ВУ, 1999. – 172 с.
7. Тимофеев, И. Г. Роль ценностных ориентаций личного состава в системе «человек – военная техника» / И. Г. Тимофеев: дис. ...канд. филос. наук. – М.: ВПА, 1980. – 188 с.
8. Волкогонов, Д. А. Воинская этика / Д. А. Волкогонов. – М.: Воениздат, 1976. – 320 с.
9. Сафронов, Б. В. Эстетическое сознание и духовный мир воина / Б. В. Сафронов: дис. ...докт. филос. наук. – М.: ВПА, 1975. – 339 с.
10. Александров, С. Е. Немецкий наемник конца XV – середины XVII вв.: грани ментальности / С. Е. Александров // Военно-историческая антропология. – М.: РОССПЭН, 2002.
11. Волков, С. В. Русское офицерство как историко-культурный феномен / С. В. Волков // Военно-историческая антропология. – М., 2002.
12. Кожевин, В. Л. Неформальные традиции российской военной школы конца XIX начала XX вв. / В. Л. Кожевин // Военно-историческая антропология. – М., 2002.
13. Культура древних цивилизаций и воинская деятельность. Ч. I / под ред. проф. Л. Н. Дороговой. – М.: ВУ, 1995. – 196 с.
14. Новоселов, В. Р. Обычай войны XVI в. и мотивация поведения наемных солдат / В. Р. Новоселов // Военно-историческая антропология. – М., 2002.
15. Сенявская, Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская. – М.: Институт рос. истории РАН, 1997. – 231 с.
16. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
17. Коупленд, Н. Психология и солдат / Н. Коупленд: [пер. с англ.]. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1991. – 96 с.
18. Помогайбин, В. Н. Военно-психологические исследования: методологические основы / В. Н. Помогайбин: монография. – М.: Совр. гуманитар. ун-т, 2001. – 539 с.
19. Асташов, А. Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния Русской армии в Первую мировую войну / А. Б. Асташов // Военно-историческая антропология. – М., 2002.
20. Первая мировая война: история и психология: материалы Российской научной конф. / под ред. В. И. Старцева и др. – СПб.: Нестор, 1999. – 157 с.
21. Психология и война / под ред. А. Г. Караяни, Э. П. Утлика. – М.: ВУ, 2003. – 136 с.
22. Ведерников, В. Н. Военная социология: вопросы теории, методологии, истории и практики / В. Н. Ведерников. – М.: ГА ВС, 1994. – 232 с.
23. Клепиков, Д. В. Дедовщина как социальный институт / Д. В. Клепиков: автореф. дис. ...канд. соц. наук. – СПб., 1997. – 20 с.
24. Тишков, В. А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 552 с.
25. Дорогова, Л. Н. Западно-европейская культура Нового времени и воинская деятельность / Л. Н. Дорогова. – М.: ВУ, 2001. – 190 с.
26. Грачев, В. Д. Военные аспекты российской культуры (опыт ментального анализа) / В. Д. Грачев, В. Н. Гребеньков, В. В. Лысенко. – Ставрополь: Мир данных, 2006. – 132 с.
27. Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII – XX вв.: материалы Российской научной конф. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. – 312 с.
28. Аванесова, Г. А. Военная деятельность: культурологический анализ / Г. А. Аванесова // Военная мысль. – 2006. – № 6.
29. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с.
30. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления – М.: РОССПЭН, 2005. – 408 с.
31. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. – М.: РОССПЭН, 2006. – 416 с.
32. Бажуков, В. И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры / В. И. Бажуков: автореферат дис. ... д-ра культурологии. – М., 2009. – 35 с.
33. Марков, В. И. Конфликтотенный потенциал культуры / В. И. Марков // Конфликтология для XXI века: наука, образование, практика: мат. С.-Петерб. Междунар. конгресса конфликтологов. Т. 1. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.